

Статья 2

Уход от женственности. Комплекс маскулинности у женщин глазами мужчин и женщин¹

В некоторых своих последних работах Фрейд со все большей настойчивостью обращает внимание на определенную односторонность наших аналитических изысканий. Я имею в виду тот факт, что вплоть до недавнего времени объектом исследования являлся разум мужчин и мальчиков.

Причина этого очевидна. Психоанализ — творение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами. Вполне естественно и закономерно, что им гораздо легче было изучать мужскую психологию и что развитие мужчин им было более понятно, чем развитие женщин.

Важный шаг к пониманию специфически женского был сделан самим Фрейдом, открывшим существование зависти к пенису, а вскоре затем в работе ван Офюйзена и Абрахама было показано, сколь значительную роль этот фактор играет в раз-

¹ Flucht aus Weiblichkeit. — Int. Zeitschr. f. Psychoanal., XII (1926), S. 360–374; The Flight from Womanhood. — Int. J. Psycho-Anal., VII (1926), pp. 324–339.

витии женщин и в формировании у них неврозов. Значение зависти к пенису возросло недавно еще более в связи с гипотезой о фаллической фазе. В соответствии с ней мы считаем, что в инфантильной генитальной организации у обоих полов значение имеет лишь один половой орган, а именно мужской, и что это как раз и отличает инфантильную организацию от конечной генитальной организации взрослого¹. Согласно этой теории, клитор понимается как фаллос, и мы полагаем, что маленькие девочки изначально придают клитору точно такое же значение, что и мальчики пенису².

Эта фаза отчасти препятствует дальнейшему развитию, отчасти ему способствует. Хелен Дойч продемонстрировала главным образом сдерживающий эффект. Она придерживается мнения, что с появлением каждой новой сексуальной функции, например, в начале пубертата, при вступлении в половую жизнь, при беременности и после рождения ребенка, эта фаза реактивируется и ее приходится каждый раз заново преодолевать, чтобы достичь женской установки. Фрейд развил ее представления с позитивной стороны, утверждая, что только зависть к пенису и ее преодоление порождают желание иметь ребенка и тем самым формируют любовную привязанность к отцу³.

Теперь встает вопрос: способствовали ли эти гипотезы тому, чтобы наше понимание женского

¹ *Freud S.*, Die infantile Genitalorganisation (1923).

² *Deutsch H.*, Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen (1925).

³ *Freud S.*, Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925).

развития (понимание, которое сам Фрейд назвал неудовлетворительным и неполным) стало более удовлетворительным и четким?

В науке часто бывает весьма полезно взглянуть на давно известные факты с совершенно иной точки зрения. В противном случае возникает опасность, что мы невольно будем продолжать укладывать все новые наблюдения в те же самые четко обозначенные группы идей.

Тот новый взгляд, который мне хотелось бы обсудить, возник у меня под влиянием некоторых философских эссе Георга Зиммеля¹. Идея, высказанная Зиммелем и подхваченная другими исследователями, особенно женщинами², такова: вся наша цивилизация есть маскулинная цивилизация. Государство, законы, мораль, религия и наука — все это творение мужчин. В отличие от многих других авторов Зиммель отнюдь не делает из этих фактов вывод о женской неполноценности; прежде всего он значительно расширяет и углубляет понятие маскулинной цивилизации: «Искусство, патриотизм, мораль в целом и социальные идеи в частности, правильность практического суждения и объективность теоретических знаний, энергия и глубина жизни — все эти категории по своей форме и притязаниям принадлежат всему человечеству, но в своей реальной исторической конфигурации — они насквозь мужские. Допустим, что все эти вещи, рассматриваемые как абсолютные, мы определим единственным словом “объективные”. Тогда мы

¹ *Simmel G.*, *Philosophische Kultur*.

² См., в частности: *Varting*, *Männliche Eigenart im Frauenstaat und weibliche Eigenart im Männerstaat*.

обнаружим, что в истории нашей расы имеет силу равенство: «объективный = мужской»».

Зиммель полагает, что причина, почему так сложно было распознать этот исторический факт, состоит в том, что сами стандарты, по которым человечество оценивает природу мужчины и женщины, не являются нейтральными, не учитывают различие полов, но по сути своей — мужские... Мы не верим в чисто «человеческую» цивилизацию, в которой не возникала бы проблема пола, по той же самой причине, которая отделяет подобную цивилизацию от реально существующей, а именно по причине наивного (так сказать) отождествления понятий «человеческое существо» и «мужчина», понятий, которые во многих языках обозначаются одним и тем же словом. На время я оставляю в стороне вопрос, обусловлен ли маскулинный характер основ нашей цивилизации самой природой полов или только превосходством мужчины в силе, которое на самом деле никак не связано с цивилизацией. Во всяком случае, это объясняет, почему в самых разных областях деятельности низкие достижения презрительно называют «женскими», а выдающиеся достижения женщин, выражая одобрение, именуют «мужскими».

Как любая наука и любые ценности, психология женщин тоже рассматривалась исключительно с позиции мужчин. При этом, исходя из своего преимущественного положения, мужчины непременно приписывают объективность своему субъективному, аффективному отношению к женщине, а психология женщин, по мнению Делиуса¹, до сих пор

¹ *Delius, Vom Erwachen der Frau.*

представляет собой отражение мужских желаний и разочарований.

Еще одним очень важным фактором в этой ситуации является то, что женщины приспособились к желаниям мужчин и стали считать такое приспособление своей истинной природой. То есть они видят или видели себя такими, какими хотят их видеть мужчины; бессознательно они поддались внушению мужского ума.

Если нам ясно, в какой мере все наше существование, мышление и поведение приспособились к этим мужским стандартам, мы можем увидеть, как трудно отдельному мужчине и отдельной женщине избавиться от подобного образа мыслей.

Вопрос состоит теперь в том, насколько и аналитическая психология, делая женщин объектом исследования, пребывает в плену такого мышления; в какой мере она не преодолела еще стадию, на которой было совершенно естественно рассматривать только мужское развитие. Иными словами, в какой мере эволюция женщин, представленная нам сегодня психоанализом, оценивалась по мужским меркам и в какой мере данная картина расходится из-за этого с истинной природой женщин.

Если мы посмотрим на проблему с этой точки зрения, наше первое впечатление окажется просто поразительным: нынешняя психоаналитическая картина женского развития (неважно, верна она или нет) ни на йоту не отличается от типичных представлений мальчиков о девочках.

С представлениями мальчиков мы хорошо знакомы. Поэтому я изложу их лишь вкратце, а для сравнения в соседней колонке приведу наши представления о развитии женщин.

Представление мальчика	Наши представления
Наивное предположение, что у девочек, как и у мальчиков, есть пенис	Оба пола придают значение только мужским гениталиям
Осознание отсутствия у девочек пениса	Горестное открытие отсутствия пениса
Идея, что девочка — это изувеченный кастрированный мальчик	Уверенность девочки, что у нее когда-то был пенис, но она утратила его в результате кастрации
Уверенность в том, что девочку подвергли наказанию, которое угрожает и ему	Кастрация рассматривается как акт наказания
Девочка рассматривается как низшее существо	Девочка относится к себе как к низшему существу. Зависть к пенису
Мальчик не может себе представить, что девочка когда-нибудь сможет пережить свою утрату и преодолеть зависть	Девочка не может преодолеть ощущение собственной ущербности и неполноценности, и ей приходится постоянно бороться с желанием быть мужчиной
Мальчик боится ее зависти	Девочка всю жизнь хочет отомстить мужчине за то, что он обладает тем, чего она лишена

Столь точное совпадение, разумеется, не является критерием объективной истинности. Вполне возможно, что инфантильная генитальная организация маленькой девочки и впрямь похожа на инфантильную генитальную организацию мальчика, как это до сих пор считалось.

Но несомненно, это совпадение заставляет нас задуматься и рассмотреть иные возможности.

К примеру, мы могли бы последовать за ходом мысли Георга Зиммеля и спросить: действительно ли женская адаптация к мужской структуре происходит в столь ранний период и в такой степени, что полностью подавляет специфическую природу маленькой девочки? Позднее я ненадолго вернусь к тому моменту в детстве девочки, когда, как мне кажется, действительно происходит подобное «заражение» мужской точкой зрения. Но это не помогает мне понять, каким образом все, что заложено природой, может быть полностью поглощено и бесследно исчезнуть. Поэтому нам придется вернуться к поставленному мной вопросу: не является ли отмеченный мной удивительный параллелизм лишь выражением односторонности наших наблюдений, сделанных исключительно с позиции мужчины?

Такое предположение немедленно наталкивается на внутренний протест, ведь мы тут же вспоминаем о твердой почве опыта, на которой всегда основывалось аналитическое исследование. Но в то же время наши теоретические научные знания говорят нам, что эта почва не всегда надежна, ибо опыт по самой своей природе содержит субъективный фактор. Так, наш аналитический опыт складывается из непосредственного наблюдения материала, который пациенты предъявляют в ходе анализа в виде свободных ассоциаций, сновидений и симптомов, а также из интерпретаций и выводов, которые мы делаем на основании этого материала. Поэтому даже при правильном применении техники в теории существует возможность вариаций этого опыта.

Если мы попытаемся освободить наш разум от мужского способа мышления, едва ли не все проблемы женской психологии предстанут в новом свете.

Первое, что поражает, — во главу угла в аналитической концепции всегда или почти всегда ставится различие между полами в строении гениталий, и при этом мы совершенно забываем о другом столь же важном биологическом различии, а именно о различной роли мужчин и женщин с точки зрения репродуктивной функции.

Влияние мужской позиции на концепцию материнства наиболее четко проявилось у Ференци в его блистательной теории генитальности¹. По его мнению, настоящее побуждение к коитусу, его истинное, первоначальное значение для обоих полов состоит в стремлении вернуться в утробу матери. В период соперничества мужчина завоевывал привилегию с помощью своего полового органа снова проникнуть в матку. Женщина, изначально находившаяся в подчиненном положении, была вынуждена приспособлять свою организацию к данной органической ситуации и получила за это некоторую компенсацию. Ей пришлось «довольствоваться» суррогатами в фантазии и, главное, вынашиванием ребенка, блаженство которого она разделяет. Только в акте деторождения она имеет возможность получить удовольствие, в котором отказано мужчине².

С этих позиций психическая ситуация, в которой находится женщина, не из приятных. У нее отсутствует первичное побуждение к коитусу или по меньшей мере ей недоступно непосредственное, пусть даже частичное, удовлетворение. В таком случае побуждение к коитусу и удовольствие от

¹ *Ferenczi S., Versuch einer Genitaltheorie (1924).*

² См. также: *Deutsch H., Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen (1925)* и *Groddeck G., Das Buch vom Es.*

него, несомненно, должны быть у нее гораздо слабее, чем у мужчины. Ведь она может добиться некоторого удовлетворения первичного стремления лишь косвенным, окольным путем: отчасти окружным путем мазохистской конверсии, отчасти через идентификацию с ребенком, которого она может зачать. Однако то и другое представляют собой лишь «компенсаторные механизмы». Единственное, в чем у нее преимущество перед мужчиной, — в весьма сомнительном удовольствии от акта деторождения.

И тут я как женщина с изумлением спрашиваю: а как же материнство? А блаженное сознание того, что внутри тебя таится новая жизнь? А несказанное счастье от нарастающего ожидания, что появится это новое существо? А радость, когда оно наконец появляется и ты первый раз держишь его в руках? А глубокое наслаждение и удовлетворение от кормления его грудью и счастье от того, что он нуждается в твоей любви и заботе?

В одном разговоре Ференци высказал мнение, что в начальный период конфликта, столь печально окончившегося для женщины, мужчина как победитель навязал ей бремя материнства, включая все, что с этим связано.

Разумеется, с точки зрения социальной борьбы материнство *можно* рассматривать как помеху. В наше время, пожалуй, так оно и есть, но вряд ли дело обстояло подобным образом в те времена, когда человек был ближе к природе.

Более того, саму зависть к пенису мы объясняем с биологической точки зрения, но не социальными факторами; и наоборот, мы приучены тут же истолковывать чувство социального неравенства женщины как рационализацию ее зависти к пенису.

Однако с биологической точки зрения в материнстве или в способности к материнству женщина имеет неоспоримое и отнюдь не малое физиологическое преимущество. Особенно отчетливо оно проявляется в бессознательном мужской психики — в сильнейшей зависти мальчиков к материнству. Мы знакомы с этой завистью как таковой, но она едва ли рассматривалась должным образом в качестве динамического фактора. Когда начинаешь, как это было у меня, анализировать мужчин после достаточно длительного опыта анализа женщин, возникает весьма неожиданное впечатление об их сильнейшей зависти к беременности, деторождению и материнству, к женской груди и кормлению грудью.

В связи с этим впечатлением, проистекающим из анализа, напрашивается естественный вопрос: не выражается ли в вышеупомянутом взгляде на материнство в рационализированном виде бессознательная мужская тенденция к обесцениванию? Это обесценивание может проявляться следующим образом: на самом деле женщины просто-напросто хотят иметь пенис; когда все сказано и сделано, материнство — только лишняя обуза, которая затрудняет борьбу за существование, и мужчина должен радоваться, что он от этого избавлен.

Когда Хелен Дойч пишет, что комплекс маскулинности у женщины играет гораздо большую роль, чем комплекс фемининности у мужчины, она, вероятно, не учитывает тот факт, что зависть мужчины имеет значительно большие возможности для успешной сублимации, нежели зависть девочки к пенису, и что именно эта зависть служит одной из основных, если не главной движущей силой в формировании культурных ценностей.

Сам язык указывает на этот источник продуктивности в культуре. В исторические времена, которые нам известны, эта продуктивность, несомненно, была значительно выше у мужчин, чем у женщин. Не объясняется ли невероятная сила импульса мужчины к творчеству в любой области ощущением им относительной незначительности собственной роли в сотворении живого существа, что и подталкивает его постоянно к сверхкомпенсации за счет других достижений?

Если мы правы, установив эту связь, встает вопрос: почему у женщины не обнаруживается соответствующего импульса, который бы компенсировал ее зависть к пенису? Есть две возможности: либо зависть женщины гораздо слабее, чем зависть мужчины, либо ее нельзя успешно преодолеть каким-то другим способом. Мы могли бы привести факты в поддержку обоих предположений.

В доказательство более выраженной мужской зависти можно указать на то, что анатомическая ущербность женщины имеет место только с точки зрения догенитальных уровней организации¹. С позиции генитальной организации взрослой женщины нет никакого изъяна, поскольку совершенно очевидно, что женщины обладают отнюдь не меньшей, чем мужчины, но просто иной по природе способностью к коитусу. С другой стороны, роль мужчины в репродукции значительно меньше, чем женщины.

Далее мы видим, что стремление мужчин принижать значение женщин выражено явно сильнее, чем

¹ *Horney K.*, On the Genesis of the Castration Complex in Woman. — *Int. J. Psycho-Anal.*, V, Part 1 (1924).

соответствующая потребность у женщин. К пониманию того, что догма о неполноценности женщин проистекает из бессознательной мужской тенденции, мы могли бы прийти, лишь усомнившись в ее соответствии действительности. Но если и в самом деле за убежденностью в женской неполноценности скрывается тенденция мужчин принизить женщин, то мы должны заключить, что этот бессознательный импульс является очень сильным.

Многое, правда, можно сказать и в пользу мнения, что с культурных позиций женщинам намного труднее избавиться от зависти, чем мужчинам. Мы знаем, что в наиболее благоприятных случаях эта зависть преобразуется в желание иметь мужа и ребенка и, возможно, при такой трансформации утрачивает основную часть энергии, требовавшей сублимации. Однако в неблагоприятных случаях, как я покажу затем в деталях, она отягощается чувством вины и не находит себе плодотворного применения, тогда как неспособность мужчины к материнству воспринимается, вероятно, просто как недостаток и, не подвергаясь запрету, может во всей полноте развиваться в мощную движущую силу.

В данной дискуссии я уже затрагивала проблему, которая недавно была выдвинута на передний план Фрейдом¹, а именно вопрос о происхождении и воздействии желания иметь ребенка. В последнее десятилетие наше отношение к этой проблеме изменилось. Поэтому я позволю себе вкратце изложить начало и конец ее исторической эволюции.

¹ *Freud S.*, Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925).